

БОРИС ВАСИЛЬЕВ: «Я ПРОЖИЛ ДОСТАТОЧНО ДЛИННУЮ ЖИЗНЬ»

Борис Васильев родился 21 мая 1924 года в Смоленске. Родом из дворян, отец Васильев Лев Александрович – кадровый офицер царской, Красной и Советской армии, *“чудом пережил три армейских чистки, бывших больше всего по бывшим офицерам царской армии...”* (*“Век необычайный”*, М., 2003).

Мать, урожденная Алексеева – Елена Николаевна Тихонова – из известного старинного дворянского рода, связанного с именами Пушкина и Льва Толстого.

Поколение Васильева – первое поколение, родившееся после окончания открытой гражданской войны, оказалось поколением, выросшим в состоянии продолжающейся скрытой гражданской войны. *“Конечно, мы не ощущали всего ужаса перманентного террора, – напишет он позже, – но наши родители, родственники, старшие братья и сестры испытали его в полной мере. Нам в наследство досталось полностью разрушенное правовое пространство, а нашим внукам – разрушенное идейное... Ни отец, ни мама никогда мне ничего не рассказывали о себе. Ни о своем детстве, ни о своей молодости. Они исходили из главного принципа того времени, когда я был ребенком: чем меньше я буду знать о прошлом, тем спокойнее будет моя жизнь”.*

Влияние семейных нравственно-философских традиций на формирование своего мировоззрения Борис Васильев считает решающим: *“Меня воспитывали еще по старинке, как это было принято в провинциальных семьях русской интеллигенции, почему я безусловно человек конца 19-го столетия. И по любви к литературе, и по уважению к истории, и по вере в человека, и по абсолютному неумению врать...”.*

Это было созидательное воспитание. В отличие от разрушительного воспитания Советского времени с его лозунгами, идеологией, его враждебностью к любому инакомыслию, показательными судами над “врагами народа” и массовыми репрессиями и расстрелами. *“Советская власть весьма основательно разрушала семьи, как в городе, так и на селе, не уставая при этом утверждать, что воспитание подрастающего поколения в прочных руках государства. Боже, кого только нам не предлагали в роли воспитателей! Школу и пионерскую организацию, комсомол и великие стройки Коммунизма, армию и рабочий коллектив... Мы вырастали в атмосфере команд... Мы маршировали, выкрикивая лозунги к обозначенной вождями цели”. Вождям “восторженно кричали “Ура!”. Врагам кричали “Смерть!” еще задолго не только до суда, но и задолго до следствия, поскольку газеты натравливали нас сразу же после арестов очередных врагов... Мы были детьми гражданской войны, а она продолжалась вплоть до Великой Отечественной... И в этой гражданской войне – негромкой, ползучей, – наше поколение принимало самое активное участие. Но и расплата этого поколения за вынужденную слепоту была непомерно жестокой – Это на его телах забуксовали танки Клейста и Гудериана”.*

Рано проявившиеся у Бориса Васильева увлечение историей и любовь к литературе с детства переплелись в его сознании. Учась в воронежской школе, он играл в любительских спектаклях, выпускал вместе со своим другом рукописный журнал. Когда закончил 9-й класс, началась Великая Отечественная война.

Борис Васильев ушел на фронт добровольцем в составе истребительского комсомольского батальона, и 3-го июля 1941 года был направлен под Смоленск. Попал в окружение, вышел из него в октябре 1941 г., потом был лагерь для перемещенных лиц, откуда по личной просьбе был направлен, сперва в кавалерийскую, а затем в пулеметную полковую школу, которую и закончил. Служил в 8-м воздушно-десантном гвардейском полку 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Во время воздушного десанта 16 марта 1943 года попал на минную растяжку и с тяжелой контузией был доставлен в госпиталь.

Поколению мальчишек начала 20-х годов, суждено было почти всем сложить свои головы в Великой Отечественной войне. В живых их осталось только 3 процента, и Борис Васильев чудом оказался среди них: *"...мне и вправду выпал счастливый билет. Я не умер от тифа в 34-м, не погиб в окружении в 41-м, парашют мой раскрылся на всех моих семи десантных прыжках, а в последнем – боевом, под Вязьмой, в марте 43-го – я нарвался на минную растяжку, но на теле не оказалось даже царапины"* (*"Век необычайный"*, М., 2003).

Осенью 1943 года он поступил в Военную академию бронетанковых и механизированных войск, где встретил свою будущую жену – Зорю Альбертовну Поляк, которая училась в той же академии, ставшую его постоянной спутницей. После окончания в 1946 году инженерного факультета академии работал испытателем колесных и гусеничных машин на Урале. Демобилизовался в 1954 году в звании инженер-капитана. В рапорте о демобилизации назвал причиной своего решения желание заниматься литературой.

Начало литературной деятельности оказалось для писателя полным непредвиденных осложнений. Первым произведением, вышедшим из-под его пера, стала пьеса "Танкисты" (1954) – о том, как непросто в человеческом и профессиональном планах проходила в послевоенной армии смена поколений. Эта пьеса под названием "Офицер" была принята к постановке в Центральном театре Советской армии, но после двух общественных просмотров в декабре 1955 незадолго до премьеры спектакль был запрещен ГЛАВПУРОМ (Главным политическим управлением армии). Позднее Борис Васильев напишет об этом эпизоде: *"А может быть, это-то и хорошо, что запретили без всякого объяснения? Если бы надавали замечаний, я бы растратил уйму времени, пьесу все равно бы угробили (в этом ведомстве своих мнений не меняют), а я бы привык доделывать да переделывать по указаниям, слухам, мнениям... Я слушаю только редакторов, устраняю их замечания или принимаю к сведению, но никогда ничего не переделываю во имя, так сказать, сиюминутного момента"*. Вслед за запретом спектакля был рассыпан по распоряжению "сверху" типографский набор "Офицера" в журнале "Театр", руководимом известным драматургом Н.Ф. Погодиным.

Несмотря на неудачи, Борис Васильев не бросает драматургии: его пьеса **“Стучите и откроется”** в 1955 поставлена театрами Черноморского флота и Группы войск в Германии. Одновременно по приглашению Н.Ф.Погодина он посещает сценарную студию при Главкино, в результате чего по сценариям Васильева были поставлены кинофильмы *“Очередной рейс”* (1958), *“Длинный день”* (1960) и другие. И всё же кинематографическая судьба его складывалась далеко не безоблачно. Ему приходилось писать ради заработка сценарии для телепередачи КВН (*“Клуб веселых и находчивых”*), сочинять подтекстовки к киножурналам *“Новости дня”* и *“Иностранная хроника”*...

Непросто складывалась судьба первого прозаического произведения Васильева **“Иванов катер”** (М.,1967) – А.Т.Твардовский принял повесть для публикации в *“Новом мире”*. Но после его смерти она почти три года пролежала в редакционном портфеле и увидела свет лишь в 1970 (*“Новый мир”*, № 8, 9). К этому времени в журнале *“Юность”* (1969, № 8) уже была напечатана другая повесть автора – **“А зори здесь тихие...”**. Именно с нее, получившей огромный читательский резонанс, писательская судьба Бориса Васильева начала неуклонно набирать в высоту. *“Зори...”* многократно переиздавались и переиздаются вплоть до нынешнего дня, претерпели множественные музыкальные и сценические интерпретации, по ним был снят в 1972 году одноименный фильм, удостоенный многих премий, в том числе Государственной премии СССР.

Замысел повести возник у Васильева в результате внутреннего несогласия с тем, как освещаются в литературе те или иные военные события и проблемы. Серьезная увлеченность *“лейтенантской прозой”* сменилась с годами убежденностью, что он видит войну совсем другими глазами. Васильев вдруг осознал, что это не *“его”* война. Его притягивают судьбы тех, кто оказался на войне оторванным от своих, лишенным связи, поддержки, медицинской помощи, кто, защищая Родину до последней капли крови, до последнего дыхания, должен был рассчитывать только на собственные силы и решения. Тут не мог не сказаться военный опыт писателя. Мотив патриотизма звучит в повести высоко и трагично, и, вместе с тем, проза эта устремлена навстречу вечно продолжающейся жизни.

Тихие зори на 171-м разъезде, на крошечном, насчитывающем всего-то двенадцать дворов, клочке земли, со всех сторон окруженном войной, становятся молчаливыми свидетельницами поразительного противостояния пятерых девочек-зенитчиц матерым вражеским десантникам. А в действительности – женского противостояния войне, насилию, убийствам, всему тому, с чем несовместима сама суть женщины. Одна за другой обрываются пять судеб, и с каждой, почти осязаемо, становятся тише и тише зори над землей. И так же поразят они, тихие зори, тех, кто придет сюда через годы после окончания войны и прочтает ее страницы заново.

Повесть вобрала в себя характерные особенности васильевской прозы. Ее философско-нравственная, с мелодраматическим оттенком, составляющая несет на себе печать авторской личности – романтически увлекающейся, чуткой и слегка сентиментальной, склонной к иронии и прозорливой. Это проза мужественного и честного писателя, органически не принимающего компромисса между истиной и ложью.

Борис Васильев не щадит читателя: концовки его произведений в основном трагичны, ибо он убежден, что искусство не должно выступать в роли утешителя, его функции – обнажать перед людьми, жизненные опасности в любых их проявлениях, будить совесть и учить сочувствию и добру.

Тему войны и судьбы поколения, для которого война стала главным событием в жизни, Васильев продолжил в повестях **“В списках не значился”** (1974); **“Великолепная шестерка”** (1980), **“Вы чье, старичье?”** (1982), **“Неопалимая купина”** (1986), **“Завтра была война”** (1986), и других.

Основанная на документальном материале повесть **“В списках не значился”** может быть отнесена к жанру романтической притчи. Сложный фронтовой путь главного героя, лейтенанта Плужникова, которому автор дал имя своего погибшего школьного товарища, путь преодоления лишений, страха смерти, голода и усталости, приводит к укреплению в молодом человеке чувства достоинства, обращает его к тем ценностям, которые были заложены в нем семейными преданиями, приобщенностью к отечественной истории и культуре: долгу, чести, наконец, патриотизму – чувству, по-васильеву, интимному и сокровенному.

В начале 80-х гг. Васильев публикует два произведения, очень близких по внутренней проблематике. Это – автобиографическая повесть **“Летят мои кони”** (1984), глубоко искренняя и полная тепла по отношению ко всему, что составляло его юность, и повесть **“Завтра была война”** – наверное, одно из наиболее жестких произведений писателя. На его страницах зловеще царит предвоенная эпоха, в столкновении с напором которой ломаются, подлеют, опустошаются или, наоборот, закаляются души и характеры и подростков, и взрослых. Идет процесс ломки старой культуры и создания новой, а, значит, и изменения системы нравственных координат: *“...так было во всех семьях, инерционно стремившихся передать нам нравственность вчерашнего дня, тогда как улица – в самом широком смысле – уже победно несла нравственность дня завтрашнего. Но это не рвало нас на части, не сеяло дисгармонию, не порождало конфликты: это двойное воздействие в конечном итоге и создало тот сплав, который так и не смогла пробить крупковская сталь”* (“Летят мои кони”).

Рассказы Васильева о послевоенных судьбах фронтовиков неизменно проникнуты горечью – слишком многие из недавних солдат оказались потерянными в мирной жизни, – и чувством вины перед ними за равнодушие и бессердечие общества. Писатель видит в этом закономерные последствия войны, ни миллионные жертвы которой, ни громкие победы не в силах предотвратить чудовищное падение нравов воюющих сторон. Война узаконивает убийства и развращает души вседозволенностью, она возвращает в мирную жизнь людей опустошенных. А это опасно сказывается и на последующих поколениях, и на ходе всей истории.

Повесть **“Не стреляйте в белых лебедей”** (1973), перекликающаяся по нравственной направленности со многими васильевскими произведениями, всё-таки занимает в творчестве писателя особое место. В поединке с циничными и жестокими браконьерами гибнет, забитый ими до смерти, главный герой, воспринимаемый в деревне как “божий бедоносец”, Егор Полушкин, вступившийся за доверенную его охране природу. Веривший в свою правоту и человеческую справедливость, он становится жертвой зла, вызывая у читателя гневную реакцию по отношению к

убийцам. Стреляющие в лебедей и забивающие ногами их защитника, они, прежде всего, убивают в себе всё человеческое. Острая жалость и безмерное сострадание вызывает нелепо оборвавшаяся судьба лесника. Добро уязвимо, как всякое нравственное начало, и требует от нас защиты не в одиночку, а всем миром. Вокруг романа развернулась бурная полемика, ряд критиков упрекал писателя в излишнем сентиментализме и – отчасти – в самоповторении (“Литературное обозрение”, 1973, №№ 11,12).

История русской интеллигенции, переплетенная с историей России, нашла свое художественное воплощение в романе **“Были и небыли”** (1977), повествующем об истории рода Алексеевых (в романе и в других книгах – Олексиных), а именно об участии двух прадедов автора в русско-турецкой войне. Избрав жанр семейного романа, наиболее полно отвечающего его замыслам, Васильев отслеживает на примере семьи зарождение русской интеллигенции, пытается определить ее сущность. Хроника событий в романе многопланова.

Со временем он объединил 6 произведений, действие в которых происходит с пушкинских времен до середины XX века: “Картежник и бретер, игрок и дуэлянт: Записки прапрадеда” (1998), “Были и небыли”, “Утоли моя печали” (1997); “И был вечер, и было утро” (1989), “Дом, который построил Дед” (1993), “Вам привет от бабы Леры” (1988). В них Васильев представляет читателям героическую, возвышенную и трагическую судьбу интеллигенции, ее деяния и заблуждения, пытается, с одной стороны, определить ту глубинную духовно-нравственную константу, что давала ей силы и способность в любых ситуациях оставаться самой собой, с другой – осознать меру ее исторической и моральной ответственности. Она, в конце концов, встала на сторону насилия, разрушила многовековую монархию и привела к власти левозэкстремистские силы. Она и сама подверглась жесточайшим репрессиям, но благодаря тому, что ее традиции не были полностью уничтожены, сумела неформально возглавить народ во время Отечественной войны, что и привело к победе.

“Я прожил достаточно длинную жизнь, – пишет Борис Васильев, – чтобы внутренне ощутить, а не просто логически осмыслить все три этапа, три поколения русской интеллигенции от ее зарождения до гибели через ступени конфронтации, унижения, физического уничтожения, мучительного конформизма уцелевших до возрождения веры в гражданские права и горького понимания, что интеллигенция так и осталась невостребованной. ...Ведь необходимость и сила русской интеллигенции была в ее понимании своего гражданского долга перед родиной, а не просто в исполнении тех служебных функций, которые столь характерны для западных интеллектуалов и которые силой насаждала Советская власть. Русская интеллигенция была востребована историей для святой цели: выявить личность в каждом человеке, восславить ее, укрепить, нравственно, вооружить не раболепием православия, а мужеством индивидуальности. ...Русский народ не может существовать без собственной интеллигенции в исторически сложившемся ее понимании не в силу некой богоизбранности, а потому лишь, что без нее он утрачивает смысл собственного существования, вследствие чего никак не в силах повзреть” (“Век необычайный”, 2003).

Исторические романы Васильева содержат многие аналогии, повествуя о яростной борьбе за власть ("Вещий Олег", 1993), о предпосылках "смутного времени" и его последствиях ("Князь Ярослав и его сыновья", 1997), о коварстве и жестокости княжеской власти, о первых обращениях русов к христианству ("Ольга – королева русов", 2002).

К сложным реалиям дня сегодняшнего, замешанного на острых конфликтах предпринимательства и криминалитета, на пугающем падении культуры, а вместе с нею и уровня жизни, на скрытой и явной угрозе разрастания нравственной глухомани в душах людей, обращена повесть **"Глухомань"** (2001).

Борису Васильеву принадлежит множество публицистических произведений, тематически охватывающих самые разные стороны нашей жизни. Это обеспокоенность утратой обществом исторической памяти и размыванием нравственно культурного пласта, накопленного Россией за многовековой период ее существования, и как следствие – исчезновении мыслящего слоя общества и менталитета народа. Обращаясь к истории, он утверждает: *"Да, историю – не в записи, разумеется, – исправить невозможно, но можно – и нужно! – попытаться сгладить последствия деяний прошлого, если эти деяния сказываются в дне сегодняшнем"* ("Летят мои кони")

Писатель постоянно напоминает о необходимости установления и поддержания приоритета культуры, которую определяет как традиционную, выработанную тысячелетиями систему выживания русского народа, с горечью признавая, что *"революция и воследовавшая за нею гражданская война, а в особенности сталинские репрессии практически уничтожили культурную мощь России. Цивилизованные страны перестали воспринимать нас как свою составную культурную часть: такова, увы, данность сегодняшнего дня..."*.

Размышляя о природе патриотизма, Васильев с болью говорит: *"Ныне это великое понятие затрепано, замусолено и затаскано бесстрастными, не обладающими хотя бы крупными харизмы коммунистическими вождями в Государственной думе. ...Неужели не ясно, что любовь доказывается только делами, только поступками и решительно ничем иным?"*.

Так же бескомпромиссно он размышляет о сложившемся, часто уничижительном отношении власти к народу, взаимосвязи территории и уровня жизни в России, с тревогой говорит об отсутствии гражданского общества в нашем государстве.

Васильев настойчиво, шаг за шагом, по крупницам изучает историю, чтобы понять причины, приведшие к бесправному государству, в котором мы живем и которое терпим ради иллюзорных идей, подбрасываемых нашими вождями, и приходит к следующему важному выводу: *"Западная Европа получила в наследство от Католической церкви Римское право, в котором приоритетом являлись права личности. Древняя Русь, приняв христианство византийского толка, приняла и Византийское право, в котором приоритетом оказались не права личности, а безусловное право деспота, государя, царя – то есть, приоритет власти. На этом представлении о преимуществе государственных прав над правами личности и существовала Россия вплоть до Судебной реформы Александра Второго. Однако реформы эти, обеспечившие самый демократический суд в России, в дикие глубины*

страны, а тем паче, в глубины населяющих ее темных душ проникнуть не успели. Объявились большевики, решительно повернувшие к византийскому пониманию приоритетного права государства". В итоге, общество формировалось "в пренебрежении к презумпции невиновности, о которой и не подозревает большинство населения вообще. Именно на разности исходных принципов и основываются наши разногласия с Европой, как только заходит разговор об ущемлении прав человека".

О чем бы ни писал Борис Васильев, масштаб личности писателя, уровень его мышления и таланта придают каждой строке широкое общечеловеческое звучание, вызывая у читателей благодарный отклик.

В 80-90-х гг. Борис Васильев активно участвует в общественно-политической жизни: депутат 1-го Съезда народных депутатов СССР, член Комиссии съезда по расследованию событий 1989г. в Тбилиси. В том же году он выходит из КПСС, в которой состоял с 1952г. Однако довольно скоро оставляет политику, считая, что писатель должен заниматься своим прямым делом. Но в 2002 г. году вновь оказывается общественно востребованным – становится членом Комиссии при Президенте Российской Федерации по правам человека. Почетный гражданин Смоленска (1994). Член Союза писателей Москвы и Союза кинематографистов России.

Борис Васильев – лауреат Государственной премии СССР, премии Президента России, Независимой премии движения имени академика А.Д.Сахарова "Апрель", международной литературной премии "Москва-Пенне", премии Союза писателей Москвы "Венец", Национальной кинематографической премии "Ника" – "За Честь и Достоинство, Национальной литературной премии "Большая книга" в номинации "Честь и достоинство".

Награжден орденами "Отечественной войны" 2-й степени, "За заслуги перед Отечеством" 2-й степени, "Трудового Красного знамени", "Дружба народов", медалями, в том числе "За оборону Москвы", "За победу над Германией".

Международный объединенный биографический центр удостоил его титула "Выдающийся деятель современности".

... Он скоропостижно скончался утром 11 марта на 89 году в доме под Солнечногорском, где долгие годы жил и работал. Его повести, романы, публицистика, сочетавшие в себе открытую гражданскую позицию и честное отношение к эпохе, заставляли читателя задуматься о чести и достоинстве, о прошлом и настоящем, о порядочности, о романтизме, всегда живущем в человеческих душах.

Он ушел вслед за своим верным другом и многолетней спутницей жизни – Зорей Альбертовной, жизнь которой оборвалась два месяца назад. Ушёл – чтобы не разлучаться с ней.

Сергей Филатов (председатель Союза писателей Москвы)

«Российская Газета», март 2013